

Роберт Юнг: Атомное государство (1977 г.), (обзор 2021 г.)

Читать сегодня книгу о предыстории ядерной энергетики, написанную немецким антиядерным активистом в 1977 году, может показаться довольно глупым.

Ее, кто отважится, увидят не только множество сдвигов в энергетическом секторе и обществе за последние десятилетия, но также увидят опасения по поводу сохранения демократии в новых и неожиданных условиях, которые тогда были.

Книга начинается резко: в ней раскрываются обстоятельства строительства и эксплуатации одного из самых проблемных заводов в мире — завода по переработке ядерных отходов в Гааге, Франция. Об этом устройстве среднестатистическому обывателю известно лишь то, что оно существует, а так как оно находится в демократической и технологически развитой европейской стране, нет никаких оснований думать о нем что-то подозрительное. Но у кого была возможность познакомиться с реальностью или пережить так называемую «Гаагу», воочию видят это по-другому: «Они нам врали, они нам все время врали. Теперь мы им вообще не доверяем», — резюмирует Юнг мнение крестьян и рыбаков, с которыми он разговаривал. В начале 1960-х годов Франция решила извлекать плутоний из отработавшего ядерного топлива для производства ядерного оружия. Строительство первой части комплекса длилось с 1962 по 1966 год. В то время во многих странах уже формировалось антиядерное движение, которое считало, что так называемое мирное использование атомной энергии является только прикрытием для совсем новых форм насилия. Условия в Гааге доказали их правоту: «Когда они отобрали землю на ветреном плато, где сейчас стоит перерабатывающий завод, они думали,

что заключили сделку своей жизни. Потому что малотравная почва здесь не очень плодородна и долгое время оставалась невозделанной. Говорят, что сейчас здесь строится завод по производству телевизоров. Другие покупатели говорили о заводе по производству стиральных машин, холодильников, кухонных комбайнов и другой бытовой техники» (с. 40). Когда скрывать истинное назначение завода стало уже невозможно, политики и чиновники из Французского агентства по атомной энергии развернули пропаганду безвредности и абсолютной безопасности строящегося объекта. При этом они тактично умолчали, например, что полуостров в Нормандии, омываемый с трех сторон Атлантическим океаном, был выбран для строительства перерабатывающего завода еще и потому, что его можно было легко изолировать от остальной части континента в случае ядерной аварии. А его жители получат максимальные дозы радиации...

Человеческий материал

«Если кто-то задерживается в горячей зоне дольше, чем я ему приказал, я просто отключу ему кислород», — цитирует он. Юнг Патрика Флери, который в Ла Гаага гарантирует, что бы сотрудники что не получали высокие дозы радиации.

"Не только неблагодарный, но даже прямо невыполнимая задача в этом самом опасном цикле ядерного топлива.

Потому что везде в этом "сломанном магазине" утечка ядовитого радиоактивного воздуха из всё время новых трещин, он сразу вступит в контакт с волосами (они должны быть покрытые), с кожей (которая должна быть покрыта тканью), глазами (которые должны быть скрыты за очками) или дыхательными путями,(

которые должен защищать ротовой фильтр)», — пишет Юнг (стр. 16 в немецком издании).

Ссылаясь на бывших сотрудников завода и источники из специализированных журналов, он подробно описывает длинный ряд проблем, которые ежедневно возникали в Гааге в 1970-х годах и требовали решения. Будь то стояла за этим ошибка технологии, проектная проблема или человеческая ошибка, руководство и учреждения всегда стремились замести трудности под ковёр, отрицать их, свести к минимуму. Почти невероятно звучит утверждение о том, что на завод нанимали временных рабочих для особо опасных работ.

Обычно это длительно безработные мужчины без какой-либо специальной квалификации, а также наивные студенты, которые видят только возможность относительно хорошего заработка:

«В городах, окружающих «Центр», таких как Жобур и Бомон, возникло большое количество мелких предприятий, единственной деятельностью которых было получение рабочей силы, которую затем помещали «на фабрику» на часы или дни. Для радиационного баланса этих так называемых «промежуточных» так называемых «interimaires», ответственность несёт не «фабрика», а частный «рабовладелец». Никто не спрашивает, если могли такие временные работники раньше работать на других ядерных объектах и подвергаться там радиационному облучению. Поэтому им обычно поручают самую «грязную», т.е. самую опасную работу. Их всегда первыми направляют в зоны заражения, чтобы провести там необходимые предварительные работы для специалистов.

Например, они должны перекрыть течь и создать перед ней входные замки, или они должны уложить загрязненное бельё и радиоактивные отходы в полиэтиленовые пакеты. Во время того они должны как можно дольше задерживать дыхание, чтобы не поднялась пыль».

Можно возразить, что никто никого не заставляет работать в таком опасном заведении. Однако свободный выбор требует наличия достаточно достоверной информации, а не обмана полуправдой или ложью. В случае атомных станций имеет место тот факт, что риски с этим связанные имеют неизвестную и невообразимую степень, которую никто не хочет брать на себя, учитывая их важность для собственного (в том числе психического) здоровья.

Долговременно работать в таком заводе может только тот, кто верит в защиту бога (но сколько таких существует?) или тот, кто своей жизнью так разрушен, что ему всё ладно.

У такого человека склонность к риску, безжалостности или он смыкает свои проблемы спиртом.